

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВЕБ-СТРАНИЦА

ЗЫБИНКА

Выпуск №14
28.04.2023 г.

Борис ЮДИН

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

В День Победы тяжесть лет
снимая,
Возвращаюсь в март сорок
второго.
Там в снегу была передовая
И судьбы моей легла дорога...
За спиной леса, поля Калуги
И дыханье городка Мосальска.
Днем и ночью огненная вьюга
Все кружилась в бесконечной
пляске...
Фронтовой, второй мой день
рождения
Минометным кончился
обстрелом.
В девятнадцать лет пришло
везение:
Бог велел мне жить на свете
белом.
Много лет прожил, нажил
богатство:
Деток, внуков, правнуков моих.
Здравствуй, праздник боевого
братства
Всех героев – мертвых и живых!

Николай БУШЕНЕВ

* * *

Нет, не отзвенело родниковое
моё
Утро соловьиное, весеннее и
юное,
А в душе хранится. И порой как
запоёт!
Даже меня знавшие,
услышавши, подумают:
Тот ли это хмурый, молчаливый
старикан?
Может, тот, но только курс
прошёл омоложения...
А души моей струну сейчас
поймавшая строка
Возвратит и сохранит то
родниковое, весеннее.

Яков РАСКИН

КАК Я ДОШЁЛ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ

Моё писательство стало для меня самого неожиданностью. Был у меня в Москве друг Леонид Зорин, настоящая фамилия которого была Гутцайт (прошу не путать с Валентином Зориным). Одно время он работал пресс-секретарём у самого Черномырдина, когда тот заведовал Газпромом и в должности «литературного негра» написал за него книгу «Время выбрало нас». Сам Зорин был больше поэтом, чем писателем, но мне очень нравился его стиль: лёгкий, запоминающийся. Весёлый и остроумный, он, как холостяк, пользовался большим вниманием среди женского пола.

По приезду в Москву из Израиля я, по его настоянию, остановился у него на Беговой. Но в двухкомнатной хрущёвке царил такой беспорядок, что, казалось, только что был то ли погром, то ли землетрясение.

Как-то утром, когда он ушёл на работу, я решил привести кухню хоть в какой-то порядок. Через час я уже и сам пожалел, что ввязался в эту авантюру, потому что по нынешним правилам его дом нужно было взорвать и полностью снести, а на его месте построить что-то похожее на «музей провала». Всё, до чего могла дотронуться рука, было липкое, грязное. Пришлось провозиться до его прихода, но я успел помыть даже единственное окно и отмыть лампочку, засиженную то ли мухами, то ли обыкновенной грязью, которая даже не пропускала через себя свет.

Когда он пришёл с работы и зашёл на кухню, то потерял дар речи. Внешне всё сверкало: было более-менее чисто и светло.

Но, главное, я написал на него первую в моей жизни эпиграмму:

Во взгляде Зорина особых нет примет,
Его поэзия подобна Пушкину,
И даже в прозе равных ему нет,
Ну а в быту – в быту подобен Плюшкину.

Нужно честно признать, что он не обиделся и с пониманием отнёсся к эпиграмме, похвалил и посоветовал продолжать писать, не ограничиваясь эпиграммами.

Как-то в очередной мой летний приезд Лёня сказал, что сегодня, на конец недели, мы едем к нему на дачу в подмосковную Пахру, где он познакомит меня со своим соседом, очень интересным человеком. Дача Лёни напоминала попавший под бомбёжку склад каких-то вещей, на который случайно наткнулся ковш экскаватора через 50 лет после войны. Меня передёрнуло только от одной мысли, что здесь придётся ночевать.

Зато соседом оказался ни кто иной, как сам Зиновий Гердт с женой Татьяной Сергеевной Правдиной, востоковедом, переводчицей с арабского. Кстати, её прадед по материнской линии Николай Леонтьевич Шустов был известен в царской России своим знаменитым шустовским коньяком. Понятно, что я и во сне не мог себе представить, что жизнь когда-нибудь сведёт меня с самим Гердтом. Он оказался очень приятным человеком, без всякого намёка на снобизм, а когда в разговоре с ним я вставил несколько слов на идише, то он чуть не упал со стула.

— Таня! — закричал он, — иди сюда, по-

слушай. Я встретил, наконец, человека, с которым могу поговорить на идише.

Он признался, что идиш был его родным языком, на котором в юности он даже писал стихи. Мы продолжили вести беседу на идише, но поскольку ни мой товарищ, ни его жена этим языком не владели, то перешли на русский.

Татьяна Сергеевна поставила самовар и накрыла в саду под деревом стол, на котором среди закусок поставила большое блюдо с жареной в духовке курицей с румяной корочкой. Я поставил на стол привезённую из Израиля бутылку хорошей водки и после третьей рюмки отношения между нами были уже таковы, что ощущалась настоятельная необходимость заменить холодное, накрахмаленное «Вы!» тёплым дружеским «Ты!», но, учитывая разницу в возрасте и социальное положение, я от этой мысли отказался и, несколько стесняясь, предложил, указывая пальцем на курицу, прочитать мой первый в жизни рассказ «Курица-гриль», написанный по воспоминаниям о первой Ливанской войне 1982 года. Он внимательно слушал, громко смеялся, потом немного помолчал и сказал:

— Прекрасно! Пишите, Яша, пишите! У вас есть талант писателя и рассказчика, и ваши рассказы будут положительно приняты читателями.

Так Леонид Зорин и Зиновий Гердт дали мне «путёвку в литературную жизнь». Что из этого получилось, судить уже не мне, но четыре книги всё же увидели свет.

Витадий ЗИНЧЕНКО

ПОДСНЕЖНИК

Едва появятся проталины
Среди осевшей глади снежной,
Своим бутонем, тонкой талией
Нас первым радует подснежник!
Лишь только слабое дыхание
Весны почувствует шальной,
Как лепестки раскроет ранние
И засияет белизной!
Он с виду очень хрупким
кажется.
Но пусть зима вернётся даже,
Он хоть замёрзнет, но
отважится
Вновь расцветать под солнцем
дальше.
Лишь солнце засияет маревом,
Оттаёт он и поутру
Живым поднимется фонариком
Навстречу солнцу и теплу!
Чем людям нравится
подснежник
В весны начальное мгновение? –
Что он приносит запах свежести
И настроение весеннее!

СНОВА ВЕСНА. Фотоэтиюд Александра ПОДДУБНОГО.

Александр МЕЛЬНИКОВ

* * *

Смотри в окно – весна везде,
День остывает в темноте.
А на стекле внезапный круг –
То не было, и вот он вдруг.

Его никто не рисовал.
Быть может, это наблюдал
Сквозь линзу серых облаков
Тот, кто всегда на все готов.
А я почти такой как все,
Бываю грустным по весне.
Вот зацветет сирень, тогда
Пусть отгадает, что когда?

Лев БАСКИН

СЛОВО РАСКАЯНИЯ

Зазеленела на меже трава
И узрел я промах свой.
Вымерзла за зиму вся айва,
Посаженная бережно весной.
Нет бы мне укрыть её быльём –
Веточки, ранимые пред стужей,
К сожаленью, и по жизни так
идём,
Забыв людей, кто в обогреве
нужен.

Елена АГИНА

ТАНКА

Как почка листвою весенней,
Весь день томилась душа
Неясным предощущеньем.
В эту ночь сырого тумана
Лёд сломала река.

Страницу подготовил
Константин Попов